

Giovanni
BOCCACCIO
1313 – 1375

Джованни
БОККАЧЧО

Декамерон

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
Б 78

Перевод с итальянского
А. Н. Веселовского

Серийное оформление В. В. Пожидаева

Оформление обложки В. А. Гореликова

Боккаччо Дж.

Б 78 Декамерон / Джованни Боккаччо ; пер. с ит. А. Н. Веселовского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 800 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-01210-3

«Декамерон» Дж. Боккаччо — одна из жемчужин литературы эпохи Возрождения, собрание удивительно ярких, сочных новелл, воспевающих жизнь во всех ее чувственных проявлениях. Во время чумы 1348 года десять молодых людей затворяются на загородной вилле, рассказывая друг другу различные истории. Книга Боккаччо публикуется в переводе крупнейшего российского филолога академика А. Н. Веселовского.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2010
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-01210-3

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА,
НАЗЫВАЕМАЯ «ДЕКАМЕРОН»,
прозванная *Princie Galeotto*,
в которой содержится сто новелл,
рассказанных в течение десяти дней
семью дамами
и тремя молодыми людьми

ВВЕДЕНИЕ

Соболезновать удрученным — человеческое свойство, и хотя пристало всякому, мы особенно ожидаем его от тех, которые сами нуждались в утешении и находили его в других. Если кто-либо ощущал в нем потребность и оно было ему отрадно и приносило удовольствие, я — из числа таковых. С моей ранней молодости и по сию пору я был воспламенен через меру высокою, благородною любовью более, чем, казалось бы, приличествовало моему низменному положению, — если б я хотел о том рассказать; и хотя знающие люди, до сведения которых это доходило, хвалили и ценили меня за то, тем не менее любовь заставила меня претерпевать многое, не от жестокости любимой женщины, а от излишней горячности духа, воспитанной неупорядоченным желанием, которое, не удовлетворяясь возможной целью, нередко приносило мне больше горя, чем бы следовало. В таком-то горе веселые беседы и посильные утешения друга доставили мне столько пользы, что, по моему твердому убеждению, они одни и причиной тому, что я не умер. Но по благоусмотрению Того, Который, будучи сам бесконечен, поставил непреложным законом всему существу иметь конец, моя любовь — горячая паче других, которую не в состоянии была порвать или поколебать никакая сила намерения, ни совет, ни страх явного стыда, ни могущая последовать опасность, — с течением времени сама собою настолько ослабела, что теперь оставила в моей душе лишь то удовольствие, которое она обыкновенно приносит людям, не пускающимся слишком далеко в ее мрачные волны. Насколько прежде она была тя-

гостной, настолько теперь, с удалением страданий, я ощущаю ее как нечто приятное. Но с прекращением страданий не удалась память о благодеяниях, оказанных мне теми, которые, по своему расположению ко мне, печалились о моих невзгодах; и я думаю, память эта исчезнет разве со смертью. А так как, по моему мнению, благодарность заслуживает, между всеми другими добродетелями, особой хвалы, а противоположное ей — порицания, я, дабы не показаться неблагодарным, решился теперь, когда я могу считать себя свободным, в возмездие того, что сам получил, по мере возможности уготовить некое облегчение если не тем, кто мне помог (они по своему разуму и счастью, может быть, в том и не нуждаются), то, по крайней мере, имеющим в нем потребу. И хотя моя поддержка или, сказать лучше, утешение окажется слабым для нуждающихся, тем не менее мне кажется, что с ним надлежит особливо обращаться туда, где больше чувствуется в нем необходимость, потому что там оно и пользы принесет больше, и будет более оценено. А кто станет отрицать, что такого рода утешение, каково бы оно ни было, приличнее предлагать прелестным дамам, чем мужчинам? Они от страха и стыда таят в нежной груди любовное пламя, а что оно сильнее явного, про то знают все, кто его испытал; к тому же, связанные волею, капризами, приказаниями отцов, матерей, братьев и мужей, они большую часть времени проводят в тесной замкнутости своих покоев и, сидя почти без дела, желая и не желая в одно в то же время, питают различные мысли, которые не могут же быть всегда веселыми. Если эти мысли наведут на них порой грустное расположение духа, вызванное страстным желанием, оно, к великому огорчению, останется при них, если не удалят его новые разговоры; не говоря уже о том, что женщины менее выносливы, чем мужчины. Всего этого не случается с влюбленными мужчинами, как то легко усмотреть. Если их постигнет грусть или удручение мысли, у них много средств облегчить его и обойтись, ибо, по

желанию, они могут гулять, слышать и видеть многое, охотиться за птицей и зверем, ловить рыбу, ездить верхом, играть или торговать. Каждое из этих занятий может привлечь к себе душу, всецело или отчасти, устранив от нее грустные мысли, по крайней мере на известное время, после чего, так или иначе, либо наступает утешение, либо умалется печаль. Вот почему, желая отчасти исправить несправедливость фортуны, именно там поскупившейся на поддержку, где меньше было силы, — как то мы видим у слабых женщин, — я намерен сообщить на помощь и развлечение любящих (ибо остальные удовлетворяются иглой, веретеном и мотовилом) сто новелл, или, как мы их назовем, басен, притч и историй, рассказанных в течение десяти дней в обществе семи дам и трех молодых людей в губительную пору прошлой чумы, и несколько песенок, спетых этими дамами для своего удовольствия. В этих новеллах встретятся забавные и печальные случаи любви и другие необычайные происшествия, приключившиеся как в новейшие, так и в древние времена. Читая их, дамы, в одно и то же время, получают и удовольствие от рассказанных в них забавных приключений, и полезный совет, поскольку они узнают, чего им следует избегать и к чему стремиться. Я думаю, что и то и другое обойдется не без умаления скуки; если, даст Бог, именно так и случится, да возблагодарят они Амура, который, освободив меня от своих уз, дал мне возможность послужить их удовольствию.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

*Начинается первый день Декамерона,
в который, после того как автор рассказал, по какому
поводу собрались и беседовали выступающие
впоследствии лица, под председательством Пампинеи,
рассуждают о чем кому заблагорассудится*

Всякий раз, прелестные дамы, как я, размыслив, подумаю, насколько вы от природы сострадательны, я прихожу к убеждению, что вступление к этому труду покажется вам тягостным и грустным, ибо таким именно является начертанное в челе его печальное воспоминание о прошлой чумной смертности, скорбной для всех, кто ее видел или другим способом познал. Я не хочу этим отвлечь вас от дальнейшего чтения, как будто и далее вам предстоит идти среди стенаний и слез; ужасное начало будет вам тем же, чем для путников неприступная, крутая гора, за которой лежит прекрасная, чудная поляна, тем более нравящаяся им, чем более было труда при восхождении и спуске. Как за крайнюю радостью следует печаль, так бедствия кончаются с наступлением веселья, — за краткой грустью (говорю: краткой, ибо она содержится в немногих словах) последуют вскоре утеха и удовольствие, которые я вам наперед обещал и которых, после такого начала, никто бы и не ожидал, если бы его не предупредили. Сказать правду: если бы я мог достойным образом повести вас к желаемой мною цели иным путем, а не столь крутою тропой, я охотно так бы сделал; но так как нельзя было, не касаясь того воспоминания, объяснить причину, почему именно приключились события, о которых вы прочтете далее, я принимаюсь писать, как бы побужденный необходимостью.

Итак, скажу, что со времени благотворного вочеловечения Сына Божия минуло 1348 лет, когда славную Флоренцию, прекраснейший из всех итальянских городов, постигла смертоносная чума, которая, под влиянием ли небесных светил или по нашим грехам посланная праведным гневом Божиим на смертных, за несколько лет перед тем открылась в областях востока и, лишив их бесчисленного количества жителей, безостановочно двигаясь с места на место, дошла, разрастаясь плачевно, и до запада. Не помогали против нее ни мудрость, ни предусмотрительность человека, в силу которых город был очищен от нечистот людьми, нарочно для того назначенными, запрещено ввозить больных, издано множество наставлений о сохранении здоровья. Не помогали и умиленные моления, не однажды повторявшиеся, устроенные благочестивыми людьми, в процессиях или другим способом. Приблизительно к началу весны означенного года болезнь начала проявлять свое плачевное действие страшным и чудным образом. Не так, как на востоке, где кровотечение из носа было явным знамением неминуемой смерти, — здесь в начале болезни у мужчин и женщин показывались в пахах или под мышками какие-то опухоли, разраставшиеся до величины обыкновенного яблока или яйца, одни более, другие менее; народ называл их *gavoccioli* (чумными бубонами); в короткое время эта смертельная опухоль распространялась от указанных частей тела безразлично и на другие, а затем признак указанного недуга изменялся в черные и багровые пятна, появлявшиеся у многих на руках и бедрах и на всех частях тела, у иных большие и редкие, у других мелкие и частые. И как опухоль являлась вначале, да и позднее оставалась вернейшим признаком близкой смерти, таковым были пятна, у кого они выступали. Казалось, против этих болезней не помогали и не приносили пользы ни совет врача, ни сила какого бы то ни было лекарства: таково ли было свойство болезни, или невежество врачующих (которых, за вычетом ученых медиков, явилось множество, мужчин и женщин, не имевших

никакого понятия о медицине) не открыло ее причин, а потому не находило подходящих средств, — только немногие выздоравливали и почти все умирали на третий день после появления указанных признаков, одни скорее, другие позже, — и большинство без лихорадочных или других явлений. Развитие этой чумы было тем сильнее, что от больных, через общение со здоровыми, она переходила на последних, совсем так, как огонь охватывает сухие или жирные предметы, когда они близко к нему подвинуты. И еще большее зло было в том, что не только беседа или общение с больными переносило на здоровых недуг и причину общей смерти, но, казалось, одно прикосновение к одежде или другой вещи, которой касался или пользовался больной, передавало болезнь дотрагивавшемуся. Дивным покажется, что я теперь скажу, и если бы того не видели многие и я своими глазами, я не решился бы тому поверить, не то что написать, хотя бы и слышал о том от человека, заслуживающего доверия. Скажу, что таково было свойство этой заразы при передаче ее от одного к другому, что она приставала не только от человека к человеку, но часто видала и нечто большее: что вещь, принадлежавшая больному или умершему от такой болезни, если к ней прикасалось живое существо не человеческой породы, не только заражала его недугом, но и убивала в непродолжительное время. В этом, как сказано выше, я убедился собственными глазами, между прочим, однажды на таком примере: лохмотья бедняка, умершего от такой болезни, были выброшены на улицу; две свиньи, набредя на них, по своему обычаю, долго теребили их рылом, потом зубами, мотая их со стороны в сторону, и по прошествии короткого времени, закружившись немного, точно поев отравы, упали мертвые на злополучные тряпки.

Такие происшествия и многие другие, подобные им и более ужасные, порождали разные страхи и фантазии в тех, которые, оставшись в живых, почти все стремились к одной, жестокой цели: избегать больных и удаляться от общения с ними и их вещами; так

поступая, воображали сохранить себе здоровье. Некоторые полагали, что умеренная жизнь и воздержание от всех излишеств сильно помогают борьбе со злом; собравшись кружками, они жили, отделившись от других, укрываясь и запираясь в домах, где не было больных и им самим было удобнее; употребляя с большой умеренностью изысканнейшую пищу и лучшие вина, избегая всякого излишества, не позволяя кому бы то ни было говорить с собою и не желая знать вестей извне — о смерти или больных, — они проводили время среди музыки и удовольствий, какие только могли себе доставить. Другие, увлеченные противоположным мнением, утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять по возможности всякому желанию, смеяться и издеваться над всем, что приключается, — вот вернейшее лекарство против недуга. И как говорили, так, по мере сил, приводили и в исполнение, днем и ночью странствуя из одной таверны в другую, выпивая без удержу и меры, чаще всего устраивая это в чужих домах, лишь бы прослышали, что там есть нечто им по вкусу и в удовольствие. Делать это было им легко, ибо все предоставили и себя, и свое имущество на произвол, точно им больше не жить; оттого большая часть домов стала общим достоянием, и посторонний человек, если вступал в них, пользовался ими так же, как пользовался бы хозяин. И эти люди, при их скотских стремлениях, всегда по возможности избегали больных. При таком удрученном и бедственном состоянии нашего города почтенный авторитет как божеских, так и человеческих законов почти упал и исчез, потому что их служители и исполнители, как и другие, либо умерли, либо хворали, либо у них осталось так мало служилого люда, что они не могли отправлять никакой обязанности; почему всякому позволено было делать все, что заблагорассудится.

Многие иные держались среднего пути между двумя указанными выше: не ограничивая себя в пище, как первые, не выходя из границ в питье и других излишествах, как вторые, они пользовались всем этим в

меру и согласно потребностям, не запирались, а гуляли, держа в руках кто цветы, кто пахучие травы, кто какое другое душистое вещество, которое часто обоняли, полагая полезным освежать мозг такими ароматами, — ибо воздух казался зараженным и зловонным от запаха трупов, больных и лекарств. Иные были более сурового, хотя, быть может, верного мнения, говоря, что против зараз нет лучшего средства, как бегство перед ними. Руководясь этим убеждением, не заботясь ни о чем, кроме себя, множество мужчин и женщин покинули родной город, свои дома и жилье, родственников и имущество и направились за город, в чужие или свои поместья, как будто гнев Божий, каравший неправедных людей этой чумой, не взыщет их, где бы они ни были, а намеренно обрушится на оставшихся в стенах города, точно они полагали, что никому не остаться там в живых и настал его последний час.

Хотя из этих людей, питавших столь различные мнения, и не все умирали, но не все и спасались; напротив, из каждой группы заболевали многие и повсюду, и как сами они, пока были здоровы, давали в том пример другим здоровым, они изнемогали, почти совсем покинутые. Не станем говорить о том, что один горожанин избегал другого, что сосед почти не заботился о соседе, родственники посещали друг друга редко или никогда или виделись издали: бедствие воспитало в сердцах мужчин и женщин такой ужас, что брат покидал брата, дядя племянника, сестра брата и нередко жена мужа; более того и вероятнее: отцы и матери избегали навещать своих детей и ходить за ними, как будто то были не их дети. По этой причине мужчинам и женщинам, которые заболевали, а их количества не исчислить, не оставалось другой помощи, кроме милосердия друзей (таковых было немного) или корыстолюбия слуг, привлеченных большим, не по мере, жалованьем; да и тех становилось не много, и были то мужчины и женщины грубого нрава, непривычные к такого рода уходу, ничего другого не умевшие делать, как подавать больным, что требовалось, да присмотреть, когда они кончались; отбывая такую

службу, они часто, вместе с заработком, теряли и жизнь. Из того, что больные бывали покинуты соседями, родными и друзьями, а слуг было мало, развилась привычка, дотоле неслыханная, что дамы красивые, родовитые, заболевая, не стеснялись услугами мужчины, каков бы он ни был, молодой или нет, без стыда обнажая перед ним всякую часть тела, как бы то сделали при женщине, лишь бы того потребовала болезнь, — что, быть может, стало впоследствии причиной меньшего целомудрия в тех из них, которые исцелялись от недуга. Умирали, кроме того, многие, которые, быть может, и выжили бы, если бы им была помощь. От всего этого и от недостаточности ухода за больными, и от силы заразы число умиравших в городе днем и ночью было столь велико, что страшно было слышать о том, не только что видеть. Оттого, как бы по необходимости, развились среди горожан, оставшихся в живых, некоторые привычки, противоположные прежним. Было в обычае (как то видим и теперь), что родственницы и соседки собирались в дому покойника и здесь плакали вместе с теми, которые были ему особенно близки; с другой стороны, у дома покойника сходились его родственники, соседи и многие другие горожане и духовенство, смотря по состоянию усопшего, и сверстники несли его тело на своих плечах, в погребальном шествии со свечами и пением, в церковь, избранную им еще при жизни. Когда сила чумы стала расти, все это было заброшено совсем или по большей части, а на место прежних явились новые порядки. Не только умирали без сходища многих жен, но много было и таких, которые кончались без свидетелей, и лишь очень немногим доставались в удел умильные сетования и горькие слезы родных; вместо того, наоборот, в ходу были смех, и шутки, и общее веселье: обычай, отлично усвоенный, в видах здоровья, женщинами, отложившими большею частью свойственное им чувство сострадания. Мало было таких, тело которых провожали бы до церкви более десяти или двенадцати соседей; и то не почтенные, уважаемые граждане, а род могильщиков из простонаро-

дья, называвших себя беккинами и получавших плату за свои услуги: они являлись при гробе и несли его торопливо и не в ту церковь, которую усопший выбрал до смерти, а чаще в ближайшую, несли при немногих свечах или и вовсе без них, за четыремь или шестью клириками, которые, не беспокоя себя слишком долгой или торжественной службой, с помощью указанных беккинов клали тело в первую попавшуюся незанятую могилу. Мелкий люд, а может быть, и большая часть среднего сословия представляли гораздо более плачевное зрелище: надежда либо нищета побуждали их чаще всего не покидать своих домов и соседства; заболевая ежедневно тысячами, не получая ни ухода, ни помощи ни в чем, они умирали почти без изъятия. Многие кончались днем или ночью на улице; иные, хотя и умирали в домах, давали о том знать соседям не иначе как запахом своих разлагавшихся тел. И теми и другими умиравшими повсюду все было полно. Соседи, движимые столько же боязнью заражения от трупов, сколько и состраданием к умершим, поступали большею частью на один лад: сами либо с помощью носильщиков, когда их можно было достать, вытаскивали из домов тела умерших и клали у дверей, где всякий, кто прошелся бы, особенно утром, увидел бы их без числа; затем распорядились доставлением носилок; но были и такие, которые, за недостатком в них, клали тела на доски. Часто на одних и тех же носилках их было два или три, но случалось не однажды, а таких случаев можно бы насчитать множество, что на одних носилках лежали жена и муж, два или три брата, либо отец и сын и т. д. Бывало также не раз, что за двумя священниками, шествовавшими с крестом перед покойником, увяжутся двое или трое носилок, с их носильщиками, следом за первыми, так что священникам, думавшим хоронить одного, приходилось хоронить шесть или восемь покойников, а иногда и более. При этом им не оказывали почета ни слезами, ни свечой, ни сопутствием, наоборот, дело дошло до того, что об умерших людях думали столько же, сколько теперь об околевшей козе. Так оказалось воочию,

что если обычный ход вещей не научает и мудрецов переносить терпеливо мелкие и редкие утраты, то великие бедствия делают даже недалеких людей рассудительными и равнодушными. Так как для большого количества тел, которые, как сказано, каждый день и почти каждый час свозились к каждой церкви, не хватало освященной для погребения земли, особенно если бы, по старому обычаю, каждому захотели отводить особое место, то на кладбищах при церквях, где все было переполнено, вырывали громадные ямы, куда сотнями клали приносимые трупы, нагромождая их рядами, как товар на корабле, и слегка засыпая землей, пока не доходили до краев могилы.

Не передавая далее во всех подробностях бедствия, приключившиеся в городе, скажу, что если для него година была тяжелая, она ни в чем не пощадила и пригородной области. Если оставить в стороне замки (тот же город в уменьшенном виде), то в разбросанных поместьях и на полях жалкие и бедные крестьяне и их семьи умирали без помощи медика и ухода прислуги, по дорогам, на пашне и в домах, днем и ночью безразлично, не как люди, а как животные. Вследствие этого и у них, как у горожан, нравы разнуздались, и они перестали заботиться о своем достоинстве и делах; наоборот, будто каждый наступивший день они чаяли смерти, они старались не уготовлять себе будущие плоды от скота и земель и своих собственных трудов, а уничтожать всяким способом то, что уже было добыто. Оттого ослы, овцы и козы, свиньи и куры, даже преданнейшие человеку собаки, изгнанные из жилья, плутали без запрета по полям, на которых хлеб был заброшен, не только что не убран, но и не сжат. И многие из них, словно разумные, покормившись вдоволь в течение дня, на ночь возвращались сытые, без понукания пастуха, в свои жилища.

Но, оставляя пригородную область и снова обращаясь к городу, можно ли сказать что-либо больше того, что по суровости Неба, а быть может, и по людскому жестокосердию между мартом и июлем, — частью от силы чумного недуга, частью потому, что

вследствие страха, обуявшего здоровых, уход за больными был дурной и их нужды не удовлетворялись, — в стенах города Флоренции умерло, как полагают, около ста тысяч человек, тогда как до этой смертности, вероятно, и не предполагали, что в городе было столько жителей. Сколько больших дворцов, прекрасных домов и роскошных помещений, когда-то полных челяди, господ и дам, опустели до последнего служителя включительно! Сколько именитых родов, богатых наследий и славных состояний осталось без законного наследника! Сколько крепких мужчин, красивых женщин, прекрасных юношей, которых не то что кто-либо другой, но Гален, Гиппократ и Эскулап признали бы вполне здоровыми, утром обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете!

Мне самому тягостно так долго останавливаться на этих бедствиях; поэтому, опустив в рассказе о них то, что можно, скажу, что, в то время как наш город, при таких обстоятельствах, почти опустел, случилось однажды (как я потом слышал от верного человека), что во вторник утром в досточтимом храме Санта-Мария-Новелла, когда там почти никого не было, семь молодых дам, одетых, как было прилично по времени, в печальные одежды, простояв Божественную службу, сошлись вместе; все они были связаны друг с другом дружбой, или соседством, либо родством; ни одна не перешла двадцативосьмилетнего возраста, и ни одной не было меньше восемнадцати лет; все разумные и родовитые, красивые, добрых нравов и сдержанно-приветливые. Я назвал бы их настоящими именами, если бы у меня не было достаточного повода воздержаться от этого: я не желаю, чтобы в будущем какая-нибудь из них устыдилась за следующие повести, рассказанные либо слышанные ими, ибо границы дозволенных удовольствий ныне более стеснены, чем в ту пору, когда в силу указанных причин они были свободнейшими не только по отношению к их возрасту, но и к гораздо более зрелому; я не хочу также, чтобы завистники, всегда готовые укорить человека

СОДЕРЖАНИЕ

Художественные и этические задачи «Декамерона». А. Н. Веселовский	5
--	---

ДЕКАМЕРОН

ВВЕДЕНИЕ	39
--------------------	----

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

<i>Начинается первый день Декамерона, в котором, после того как автор рассказал, по какому поводу собрались и беседовали выступающие впоследствии лица, под председательством Пампинеи, рассуждают о чем кому заблагорассудится</i>	42
---	----

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

<i>Сэр Чаппеллетто обманывает лживой исповедью благочестивого монаха и умирает; негодяй при жизни, по смерти признан святым и назван San Ciappelletto</i>	60
---	----

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

<i>Еврей Авраам, вследствие увещаний Джианнотто ди Чивиньи, отправляется к римскому двору и, увидя там развращенность служителей Церкви, возвращается в Париж, где становится христианином</i>	72
--	----

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

<i>Еврей Мельхиседек рассказом о трех перстнях устраняет большую опасность, уготованную ему Саладином</i>	77
---	----

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

<i>Один монах, впад в грех, достойный тяжелой кары, искусно уличив своего аббата в таком же проступке, избегает наказания</i>	80
---	----

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Маркиза Монферратская обедом, приготовленным из кур, и несколькими милыми словами подавляет безумную к ней страсть французского короля 83

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Некто уличает метким словом злостное лицемерие монахов 86

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Бергамино своим рассказом о Примасе и аббате Ключни ловко уличает необычную скупость Кане делла Скала . . . 88

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Гвиельмо Борсере в тонких выражениях укоряет в скупости мессере Эрмино де Гримальди 93

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Король Кипра, задетый заживо одной гасконской дамой, из малодушного становится решительным 95

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Мазстро Альберто из Болоньи учтиво стыдит одну женщину, желавшую его пристыдить его любовью к ней 96

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Кончен первый день Декамерона, начинается второй, в который, под руководством Филомены, рассуждают о тех, кто после разных превратностей и сверх всякого ожидания достиг благополучной цели 103

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Мартеллино, притворившись калекой, делает вид, что излечен мощами святого Арриго; когда его обман обнаружен, его бьют и хватают, и он в опасности быть повешенным, но в конце спасается 103

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Ринальдо д'Асти, будучи ограблен, является в Кагель-Гвиельмо, где находит приют у одной вдовы и, вознагражденный за свои протори, возвращается домой здоров и невредим 108

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Трое юношей, безрассудно растратив свое состояние, обеднели; их племянник, возвращаясь домой в отчаянии, знакомится на пути с аббатом и открывает в нем дочь английского короля, которая выходит за него замуж, а он, возместив дядьям все их убытки, возвращает их в прежнее положение 114

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Ландольфо Руффоло, пообедав, становится корсаром; взят генуэзцами, терпит крушение в море, спасается на ящике, полном драгоценностей, находит приют у одной женщины в Корфу и возвращается домой богатым человеком 122

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Андреуччио из Перуджи, прибыв в Неаполь для покупки лошадей, в одну ночь подвергается трем опасностям и, избежав всех, возвращается домой владельцем рубина . . . 127

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Мадонна Беритола найдена на одном острове с двумя ланями после того, как потеряла двух сыновей; отправляется в Луниджяну, где один из ее сыновей поступает в услужение к властителю страны, слюбился с его дочерью и посажен в тюрьму. Сицилия восстает против короля Карла; сын, узанный матерью, женится на дочери своего господина; его брат найден, и оба возвращаются в прежнее высокое положение 140

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Султан Вавилонии отправляет свою дочь в замужество к королю дель Гарбо; вследствие разных случайностей она в течение четырех лет попадает в разных местах в руки к девяти мужчинам; наконец, возвращенная отцу как девственница, отправляется, как и прежде намеревалась, в жены к королю дель Гарбо 154

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Граф Анверский, ложно обвиненный, отправляется в изгнание, оставив двух своих детей в разных местностях Англии; вернувшись неузнанным, находит их в хорошем положении, идет в качестве конюха в войско французского короля и, признанный невинным, возвращен в прежнее состояние 175

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Бернабо из Генуи, обманутый Амброджиоло, теряет свое достояние и велит убить свою невинную жену. Она спасается и в мужском платье служит у султана; открыв обманщика, она направляет Бернабо в Александрию, где обманщик наказан, а она, снова облачаясь в женское платье, разбогатев, возвращается с мужем в Геную 190

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Паганино из Монако похищает жену мессера Риччардо да Кинзика, который, узнав, где она, отправляется за ней и,

войдя в дружбу с Паганино, просит отдать ее ему. Тот соглашается, если на то ее воля; но она не желает вернуться и, по смерти мессера Риччьярдо, становится женой Паганино 203

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Кончен второй день Декамерона и начинается третий, в который, под председательством Неифилы, рассуждают о тех, кто благодаря своей умелости добыл что-либо им сильно желаемое либо возвратил утраченное 213

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Мазетто из Лампорекио, прикинувшись немым, поступает садовником в обитель монахинь, которые все стремятся сойтись с ним 216

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Один конюх спит с женой короля Агилульфа, о чем король тайно узнает и, разыскав его, остригает ему волосы. Остриженный конюх остригает всех других и таким способом выпутывается из беды 222

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Под видом исповеди и чистосердечного признания одна дама, влюбленная в молодого человека, побуждает некоего почтенного монаха, не догадывавшегося о том, устроить так, что ее желание возымело полное удовлетворение . . . 227

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Дон Феличе наставляет брата Пуччо, как стать блаженным, подвергнуть себя известному покаянию, что брат Пуччо и исполняет, а дон Феличе тем временем забавляется с его женой 237

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Зима дарит свою парадную лошадь мессеру Франческо Верджеллези и за это, с его согласия, говорит с его женой; когда она молчит, он отвечает за нее от ее же лица, и все совершается согласно с его ответом 242

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Риччьярдо Минутоло любит жену Филиппелло Фигинольфи; узнав, что она ревнива, он, рассказав ей, что Филиппелло на следующий день назначил свидание в бане его жене, устраивает так, что сама дама отправляется туда и, воображая, что была с мужем, узнает, что отдалась Риччьярдо 248

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Тедальдо, рассорившись со своей любовницей, уезжает из Флоренции; спустя некоторое время возвращается туда под видом паломника, говорит с ней, приводит ее к сознанию ее неправоты, спасает жизнь ее мужа, обвиненного в его убийстве, примиряет его с братьями и разумно благоденствует с его женой 257

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Ферондо, отведав некоего порошка, похоронен за мертвого; извлеченный из могилы аббатом, который забавляется с его женою, он посажен в тюрьму, и его уверяют, что он в чистилище; воскреснув, он воспитывает сына, рожденного от аббата его женою 273

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Джилетта из Нарбонны излечивает французского короля от фистулы; просит себе в мужья Бельтрамо Россильонского, который, женившись на ней против воли и негодую на то, отправляется во Флоренцию; здесь он ухаживает за одной девушкой, но вместо нее с ним спит Джилетта и родит от него двух сыновей, почему впоследствии он, оценив ее, обращается с нею как с женою 283

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Алибек становится пустынною; монах Рустико научает ее, как загонять дьявола в ад; вернувшись оттуда, она становится женой Неербала 292

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Кончен третий день Декамерона и начинается четвертый, в котором, под председательством Филострато, рассуждают о тех, чья любовь имела несчастный исход 301

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Танкред, принц Салернский, убивает любовника дочери и посылает ей в золотом кубке его сердце; полив его отравленной водою, она выпивает ее и умирает 308

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Монах Альберт уверяет одну женщину, что в нее влюблен ангел, и в его образе несколько раз соединяется с нею, затем, убоявшись ее родственников, бросается из окна ее дома и находит убежище в доме одного бедняка, который на следующий день ведет его, переодетого дикарем, на площадь, где его признали, а братия хватает и заключает в темницу 318

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Трое молодых людей любят трех сестер, с которыми и бегут в Крит; старшая из ревности убивает своего любовника; вторая, отдавшись герцогу Крита, спасает первую от смерти, но убита своим любовником, который и бежит с первой. В этом убийстве обвинен третий любовник с третьей сестрою; будучи схвачены, они берут на себя вину, но от страха смерти, подкупив деньгами стражу, бегут, обедневшие, в Родос, где умирают в нищете 328

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Джербиню в противность честному слову, данному его дедом, королем Гвильельмо, нападает на корабль туниССкого короля, чтобы похитить его дочь; те, что были на корабле, убивают ее, он убивает их, а ему самому отрубают впоследствии голову 335

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Братья Изабеллы убивают ее любовника; он является ей во сне и указывает, где похоронен. Тайком выкопав его голову, она кладет ее в горшок базилика и ежедневно подолгу плачет над нею, братья отнимают ее у нее, после чего она вскоре умирает с горя 340

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Андреола любит Габриотто; она рассказывает ему виденный ею сон, он ей — другой и внезапно умирает в ее объятиях. Когда она со своей служанкой несет его к его дому, стража забирает их, и Андреола показывает, как было дело. Подеста хочет учинить ей насилие, она противится тому, слышит о том ее отец и освобождает ее как невинную, но она, не желая более жить в миру, идет в монахини 344

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Симона любит Пасквино; оба в саду; Пасквино потер зубы шалфеем и умирает; Симона схвачена, желает показать судье, как погиб Пасквино, трет себе зубы листком того шалфея и также умирает 351

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Джироламо любит Сальвестру; отправляется, побуждаемый просьбами матери, в Париж; вернувшись, находит ее замужем, тайно проникает в ее дом и умирает около нее; когда его понесли в церковь, Сальвестра умирает возле него 355

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Мессер Гвильельмо Россильоне дает своей жене вкусить сердце мессера Гвильельмо Гвардастаньо, им убитого и лю-

бимого ею; узнав об этом, она бросается впоследствии с
высокого окна, умирает и похоронена вместе со своим воз-
любленным 361

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Жена одного врача кладет своего любовника, одуренного зе-
лем, но соченного мертвым, в ящик, который и уносят к
себе вместе с телом двое ростовщиков. Очнувшись, любов-
ник схвачен как вор; служанка дамы рассказывает синьории,
что это она положила его в ящик, похищенный ростовщи-
ками; вследствие этого он избегает виселицы, а ростовщики
за похищение ящика присуждены к денежной пене 364

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Кончен четвертый день Декамерона и начинается пятый,
в котором, под председательством Фьяметты, рассужда-
ют о том, как после разных печальных и несчастных про-
исшествий влюбленным приключилось счастье 377

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Чимоне, полюбив, становится мудрым и похищает на море
Ефигению, свою милую; он заточен в Родосе; Лизимах ос-
вобождает его, и оба они увлекают Ефигению и Кассандру
с их брачного торжества; с ними они бегут в Крит, же-
нятся на них, и все вместе вызваны домой 378

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Костанца любит Мартуччио Гомито; услышав о его смер-
ти, она в отчаянии садится одна в лодку, которую ветер
относит к Сузе; найдя его живым в Тунисе, она открывает-
ся ему, а он, став ближним к королю за поданные ему сове-
ты, женится на ней и вместе с ней возвращается на Липа-
ри богатым человеком 389

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Пьетро Боккамацца бежит с Аньолеллой, встречает раз-
бойников; девушка убегает в лес, и ее приводят в один
замок. Пьетро схвачен, но спасается из рук разбойников;
после нескольких приключений попадает в замок, где была
Аньолелла, женится на ней, и они вместе возвращаются
в Рим 395

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Риччъярдо Манарди захвачен мессером Лицио да Вальбо-
на у его дочери, на которой женится, помирившись с ее
отцом 402

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Гвидотто из Кремоны поручает Джьякомино из Павии свою приемную дочь и умирает, в Фазнице в нее влюбляются Джьянниоле ди Северино и Минигино ди Минголе и вступают друг с другом в распрю; девушка оказывается сестрой Джьянниоле, и ее отдают замуж за Минигино 407

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Джьянни из Прочиды захвачен с любимой им девушкой, которая отдана была королю Федеригио; вместе с ней привязан к колу, чтобы быть сожженным; узанный Руджьери дель Ориа, освобожден им и женится на девушке 413

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Теодоро влюблен в Виоланту, дочь мессера Америкго, своего господина; она забеременела от него, а он приговорен к виселице. Когда его ведут на казнь под ударами плетей, он узнан своим отцом и, освобожденный, берет Виоланту себе в жены 418

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Настаджио дельи Онести, влюбленный в девушку из семейства Траверсари, расточает свои богатства, не получая взаимности. По просьбе своих он едет в Кьясси и здесь видит, как один всадник преследует девушку, убивает ее и два пса ее пожирают. Он приглашает своих родных и свою милую на обед; она видит, как терзают ту же девушку, и, опасаясь подобной же участи, выходит замуж за Настаджио 425

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Федеригио дельи Альбериги любит, но не любим, расточает на ухаживание все свое состояние, и у него остается всего один сокол, которого, за неимением ничего иного, он подает на обед своей даме, пришедшей его навестить; узнав об этом, она изменяет свои чувства к нему, выходит за него замуж и делает его богатым человеком 431

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Пьетро ди Винчьолю идет ужинать вне дома; его жена приглашает к себе молодого человека; Пьетро возвращается, а она прячет любовника под корзину из-под цыплят. Пьетро рассказывает, что в доме Эрколано, с которым он ужинал, нашли молодого человека, спрятавшего там его женою; жена Пьетро порицает жену Эрколано; на беду, осел наступают на пальцы того, кто находился под корзиной; он кричит. Пьетро бежит туда, видит его и узнает обман жены, с которой под конец, по своей низости, мирится 438

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Кончен пятый день Декамерона и начинается шестой, в котором, под председательством Елизы, говорится о тех, кто, будучи задет каким-нибудь острым словом, отплатил за то либо скорым ответом и находчивостью избежал урона, опасности или обиды 449

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Некий дворянин обещает мадонне Оретме рассказать ей такую новеллу, что ей покажется, будто она едет на коне, но рассказывает ее неумело, и та просит его спустить ее с лошади 451

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Хлебник Чисти вразумляет одним словом Джери Спина, обратившегося к нему с нескромной просьбой 453

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Монна Нонна находчивым ответом прекращает менее чем приличные шутки флорентийского епископа 456

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Кикибио, повар Куррадо Джьянфильяци, метким словом, сказанным в свое спасение, обращает гнев Куррадо в смех и избегает злой участи, которой грозил ему Куррадо . . . 458

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Мессер Форезе да Рабатта и мессер Джотто, живописец, возвращаясь из Муджелло, взаимно издеваются над своим жалким видом 461

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Микеле Скальца показывает некоторым молодым людям, что Барончи — самые благородные люди на свете и в при-морье, и выигрывает ужин 463

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Мадонна Филиппа, захваченная мужем с ее любовником и вызванная в суд, освобождает себя быстрым, шутивым ответом и дает тем повод изменить закон 465

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Фреско советует своей племяннице не смотреться в зеркало, если, как она говорила, ей неприятно видеть людей противных 468

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Гвидо Кавальканти язвит, под видом приличной шутки, нескольких флорентийских дворян, заставших его врасплох . 469

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Брат Чиполла обещает некоторым крестьянам показать им перо ангела, но, найдя вместо него угли, говорит, что это те, на которых изжарили святого Лаврентия. 472

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Кончен шестой день Декамерона и начинается седьмой, в котором, под председательством Дионео, рассуждают о шутках, которые из-за любви либо во свое спасение жены проделывали над своими мужьями, было ли то им вдомек или нет 487

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Джьянни Лоттеринги слышит ночью стук в дверь, будит жену, а она уверяет его, что это привидение; они идут произнести над ним заговорную молитву, и стук прекращается 488

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Перонелла прячет своего любовника, при возвращении мужа домой, в винную бочку, муж запродав ее, а жена говорит, что уже продала ее человеку, влезшему в нее, чтобы осмотреть, крепка ли она; тот вылезает из нее и, велев мужу еще выскоблить ее, уносит ее домой 493

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Брат Ринальдо спит с своей кумой; муж застаёт его в одной комнате с нею, а она уверяет его, что монах заговаривал глисты у своего крестника 497

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Однажды ночью Тофано запирается дома от жены; когда, несмотря на ее просьбы, ее не пускают, она представляется, будто бросилась в колодезь, а бросает туда большой камень. Тофано выбегает из дома и спешит туда, а она, войдя в дом, запирается, оставив его снаружи, и, браня, позорит его 502

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Ревнивец, под видом священника, исповедует свою жену, а она его уверяет, что любит священника, приходящего к ней каждую ночь. Пока ревнивец тайком сторожит у двери, жена велит любовнику пройти к ней по крыше и проводит с ним время 506

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

К мадонне Изабелле, когда у ней был Леонетто, приходит мессер Ламбертуччо, ее любивший; когда вернулся ее муж,

она высылает Ламбертуччо, с ножом в руке, из дома, а ее муж провожает Леонетто 514

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Лодовико открывается мадонне Беатриче в любви, которую к ней питает; она посылает своего мужа Эгано, одев его в свое платье, в сад и спит с Лодовико, который, поднявшись, отправляется в сад и колотит Эгано 518

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Некто начинает ревновать свою жену; она привязывает себе нитку к пальцу, чтобы узнать, когда придет ее любовник. Муж догадывается об этом, но, пока он преследует любовника, жена кладет на место себя в постель другую женщину, которую муж бьет, остригает ей косы, а затем отправляется за братьями жены, которые, увидя, что все это неправда, осыпают его бранью 524

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Лидия, жена Никострата, любит Пирра, который, дабы уверить в этом, требует от нее исполнения трех условий, которые она все и исполняет; кроме того, она забавляется с ним в присутствии Никострата, которого убеждает, что все им виденное недействительно 531

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Двое сиенцев любят одну женщину, куму одного из них; умирает кум и, возвратившись к товарищу, согласно данному ему обещанию, рассказывает ему, как живет в том свете 542

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Кончен седьмой день Декамерона и начинается восьмой, в котором, под председательством Лауретты, рассказывают о шутках, которые ежедневно проделывают друг над другом: женщина над мужчиной, или мужчина над женщиной, либо мужчина над мужчиной 549

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Гульфардо берет у Гаспарруоло деньги взаймы и, условившись с его женою, что он проспит с нею за такую же сумму, вручает их ей и говорит Гаспарруоло в ее присутствии, что возвратил их жене, а та подтверждает, что это правда 549

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Приходский священник из Варлунго спит с мадонной Бельколоре, оставляет у нее в залог свой плащ и, взяв у нее на

время ступку, отсылает ее ей с просьбой вернуть плащ, оставленный в закладе, та отдает его с бранными словами 552

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Каландрино, Бруно и Буффальмакко идут вниз по Муньоне искать гелиотропию. Каландрино воображает, что нашел ее, и возвращается домой, нагруженный камнями; жена бранит его; разгневанный, он ее колотит, а своим товарищам рассказывает о том, что они сами лучше его знают 558

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Настоятель Фьезоле любит одну вдову, которая его не любит; воображая, что он с нею, он спит с ее служанкой, а братья дамы дают ему попасться в руки епископа . . . 566

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Трое молодых людей во Флоренции стаскивают штаны с одного судьи из Марки, пока, сидя на судейской скамье, он творит суд 571

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Бруно и Буффальмакко, украв у Каландрино свинью, побуждают его сделать опыт: найти ее при помощи имбирных пилуль и вина верначчи, а ему дают одну за другой пилули из сабура, смешанного с алоэ. Выходит так, что похититель — он сам, и они заставляют его откупиться, если не желает, чтобы они рассказали о том жене 574

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Школяр любит вдову; влюбленная в другого, она заставля-ет его в зимнюю ночь пробыть на снегу в ожидании ее; впоследствии, по его совету, она в половине июля принуждена простоять целый день на башне, обнаженная, предо-ставленная мухам, слепням и солнечным лучам 580

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Двое живут в дружбе; один из них сходитя с женой другого; тот, заметив это, устраивается с его женой таким образом, что его приятель заперт в сундуке, а сам он забавляется на нем с его женой, пока тот сидит внутри 603

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Врача маэстро Симоне, желавшего вступить в корсар-ское общество, Бруно и Буффальмакко заставляют ночью пойти в известное место, а Буффальмакко сбрасывает его в помойную яму, где и оставляет 608

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Некая сицилианка ловко похищает у одного купца все привезенное им в Палермо; притворившись, что вернулся еще с большим, чем прежде, товаром, и заняв у ней денег, он оставляет ей воду и вычески 623

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

Кончен восьмой день Декамерона, начинается девятый, в котором, под председательством Эмилии, всякий рассказывает о чем угодно и что более ему нравится 637

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Мадонну Франческу любят некий Ринуччо и некий Алессандро, оба нелюбимы ею; одному она велит лечь в гробницу, будто он мертвый, другому — извлечь оттуда мнимого мертвеца; когда ни тот ни другой не добиваются цели, она хитро отделяется от них 638

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Одна настоятельница поспешно встает впотьмах, чтобы захватить в постели с любовником монахиню, на которую ей донесли; так как с нею самой был тогда священник, она, полагая, что накинула на голову вуаль, набросила поповские штаны; когда обвиненная увидела их и указала настоятельнице, ее отпустили, и она спокойно осталась при своем любовнике 643

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

По просьбе Бруно, Буффальмакко и Нелло маэстро Симоне уверяет Каландрино, что он забеременел; тот дает им в оплату за лекарство каплунов и деньги и излечивается, ничего не родив 646

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Чекко, сын мессера Фортарриго, проигрывает в Буонконвенто все, что у него было, а также и деньги Чекко, сына мессера Анджольери; в одной рубашке он бежит за ним, говоря, что тот его ограбил, велит крестьянам схватить его и, одевшись в его платье и сев на его коня, уезжает, оставив его в одной сорочке 651

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Каландрино влюбился в одну девушку, а Бруно дает ему заговор; лишь только он прикоснулся им к ней, она пошла за ним; захваченный женою, он вступает с ней в сильное и докучливое препирательство 655

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Двое молодых людей заночевали в гостинице; один из них идет спать с дочерью хозяина, жена которого по ошибке улеглась с другим. Тот, что был с дочерью, ложится затем с ее отцом и, приняв его за своего товарища, рассказывает ему обо всем. Между ними начинается ссора. Жена, спохватившись, идет в постель к дочери и затем улаживает все несколькими словами 663

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Талано ди Молезе, увидев во сне, что волк изодрал лицо и горло у его жены, говорит ей, чтобы она остерегалась; она того не сделала, а с ней это дело и приключилось 668

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Бьонделло обманом приглашает на обед Чакко, который ловко мстит ему за то, подвергнув его хорошей потасовке 670

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Двое молодых людей спрашивают у Соломона совета: один — как заставить себя полюбить, другой — как ему проучить свою строптивую жену. Одному он отвечает: «Полюби», другому велит пойти к «Гусиному мосту» . . . 674

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Дон Джьянни по просьбе кума Пьетро совершает заклинание, с целью обратить его жену в кобылу, и когда дошел до того, чтобы приставить ей хвост, кум Пьетро, заявив, что хвост ему не надобен, портит все дело 679

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

Кончен девятый день Декамерона и начинается десятый и последний, в котором, под председательством Памфило, беседуют о тех, которые совершили нечто щедрое или великодушное в делах любви либо в иных 685

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Некий рыцарь служит у испанского короля; ему кажется, что он мало вознагражден, вследствие чего король достойнейшим опытом доказывает ему, что это не его вина, а вина злой доли, после чего щедро его вознаграждает . . 685

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Гино ди Такко берет в плен аббата Клюньи, излечивает его от болезни желудка и затем отпускает. Тот, вернувшись к римскому двору, мирит его с папой Бонифацием и делает его госпиталитом 688

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Митридан, завидуя щедрости Натана, отправляется его убить, встречает его, неузнанного, и, разведав у него самого, каким способом это сделать, находит его в роще, как и было уговорено. Признав его, ощущает стыд и становится его другом 693

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Мессер Джентиле деи Каризенди, прибыв из Модены, извлекает из гробницы любимую им женщину, принятую и похороненную за умершую; оправившись, она родит сына, а мессер Джентиле возвращает ее вместе с ребенком ее мужу, Никколуччо Каччьянимико 700

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Мадонна Дианора просит мессера Ансальдо устроить ей в январе сад такой же красивый, как и в мае. Мессер Ансальдо, обнявшись некоему некроманту, доставляет ей его. Муж ее дает ей позволение отдаться мессеру Ансальдо, он же, узнав о великодушии мужа, избавляет ее от исполнения обещания, а некромант, с своей стороны, не взяв ничего, отпускает долг мессеру Ансальдо 707

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Победоносный король Карл Старший влюбился в одну девушку; стыдясь своего неразумия, он почетным образом выдает замуж ее и ее сестру 712

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Король Пьетро, узнав о страстной любви к нему больной Лизы, утешает ее, выдает ее впоследствии за родовитого юношу и, поцеловав ее в лоб, навсегда потом зовет себя ее рыцарем 719

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Софрония, считающая себя женой Джизиппо, замужем за Титом Квинцием Фульвом; с ним она отправляется в Рим, куда Джизиппо приходит в нищем виде; полагая, что Тит презирает его, он утверждает, с целью умереть, что убил человека. Признав Джизиппо и желая его спасти, Тит говорит, что убийца — он; услышав это, совершивший преступление выдает себя сам, вследствие чего Октавиан всех освобождает. Тит выдает за Джизиппо свою сестру и делит с ним все свое достояние 726

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Саладин под видом купца учествован мессером Торелло. Наступает крестовый поход; мессер Торелло дает своей жене срок для выхода замуж. Он взят в плен и становится

известным султану своим умением ходить за ловчими птицами; тот, признав его и объявив ему, кто он, оказывает ему большие почести. Мессер Торелло заболел и в одну ночь перенесен при помощи волшебства в Павию; во время торжества, которое совершалось по поводу брака его жены, он узнал ею и возвращается с нею к себе домой 745

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Маркиз Салуццкий, вынужденный просьбами своих людей жениться, берет за себя, дабы избрать жену по своему желанию, дочь одного крестьянина и, прижив с ней двух детей, уверяет ее, что убил их. Затем, показывая вид, что она ему надоела и он женится на другой, он велит вернуться своей собственной дочери, будто это — его жена, а ту прогнать в одной рубашке. Видя, что она все терпеливо переносит, он возвращает ее в свой дом, любимую более, чем когда-либо, представляет ей ее уже взрослых детей и почитает ее и велит почитать как маркизу . . . 763

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АВТОРА 777

Литературно-художественное издание

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО
ДЕКАМЕРОН

Ответственная за выпуск Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Антона Вальского
Корректоры Татьяна Виноградова,
Алевтина Борисенкова, Нина Синеникольская
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 03.03.2017.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 35,25. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YAKB647012R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/